

Д. В. ФИЛОСОФОВ

**<«...Ручаться за Керенского нельзя.
У него действительно политика “зигзагов”»>**

Понедельник, 27 февраля.

<...>

8 часов.

2 телефона от Волковысского¹, один от Руманова².

Итоги обоих:

1) Щегловитова привели под стражей в Государственную думу. Керенский объявил его арестованным и запер в павильон министров.

1 марта.

4^{1/2}.

<...> Поразительно, что пока нет имен. Есть только священное звание. Анонимный Совет р[абочих] д[епутатов] и председатель Госуд[арственной] думы³, вообще Дума.

В думском Комитете толковый человек Милюков и талантливый человек Керенский. Остальные все ничтожны. Впрочем, Некрасов еще честный, милый человек, не орел, но со сметкой. Он был дружен с Керенским. Как-то теперь?

Могут ли войска обойтись без имени?

У Сов[ета] р[абочих] деп[утатов] войск, пожалуй, в техническом смысле слова, нет. Скорее это дезертиры, превратившиеся и «вооруженный народ». Эмбрион войск скорее у думского Комитета. <...>

6^{1/2} вечера.

Пришли Любовь Сергеевна⁴ и Роза Исидоровна Гавронские⁵.

<...> Милюков был против ареста Щегловитова, но Керенский запер его и положил ключ в карман⁶. <...>

Керенский сидит в военном комитете⁷. Он, по-видимому, теперь наиболее популярное лицо. Удастся ли ему «объединить»? <...>

В 11 ч. пришел Иванов-Разумник⁸. Вот итоги его длинного и скорбного сообщения.

Все время он проводит в Думе.

<...> Протопопов сегодня явился сам в Думу, вызвал Керенского и сказал ему: «Ваше превосходительство! Прошу меня арестовать!» Керенский вспылил и на него накричал. <...>

Керенский, по словам Разумника, занимает в Исполнительном комитете самый правый фланг. <...>

2 марта 10 ч. утра. Четверг.

Не выходит из головы посещение Иванова-Разумника. Явно, что он измучен, что он все-таки «в настроении». Но даже считаясь с этим «все-таки», его «осведомления» единственно важное среди моих и сплетен всех этих Румановых и Волковысских.

Я хорошо знаю Н. Д. Соколова, Керенского, Зензинова⁹. Несколько раз подолгу беседовал с Гиммером (он, будучи беспаспортным, даже раз ночевал на моей постели!).

<...> Александр Федорович умнее их всех. Лично обаятельный человек. Масса юношеского задора, «игры». Ходячий нерв. Не может сидеть на месте, вечно что-нибудь вертит в руках и ломает. <...>

Е. Д. Кускова его не любит. Говорит: «Не могу видеть его “истерички”». Как начнет говорить истеричным голосом, во мне все кипит».

Словом, это все романтики, фанатики, если угодно, но главное, люди преисполненные «прекраснодушия». Имея опыт борьбы с врагом, они несколько не имеют опыта в конкретной реализации своей идеи. Им кажется, что победа над врагом — развязывает все добрые силы и этого достаточно. <...>

6¹/₂ ч.

Сейчас телефон от Люб[ови] Серг[еевны]¹⁰ Зензинов телефонировал из Думы, что правительство образовалось и «все хорошо».

Председатель Совета Львов. Министр юстиции Керенский. Конечно, главное — было с Керенским. Не согласись он — все провалилось бы. Он согласился с условием Учредительного собрания. <...>

10¹/₂ утра 3 марта.

[...] Только что родившееся правительство стоит перед дилеммой. Керенский + Учредительное собрание или остальные + Михаил Александрович. Если Керенский уйдет — опять восстание рабочих. Если Керенский восторжествует — отпадут «Гучковы».

11 ч., телефон от Волковысского. Будто бы декларация сейчас выйдет, Учредительное собрание остается, а Михаил будет «пешкой». Если Керенский на это согласится — надо будет «верить» этой комбинации. Видно, полной радости на свете нет. Как светло было вчера на душе, когда казалось, что это проклятое отродье «Атридов¹¹» наконец исчезло на век! Какой бы пешкой ни был Михаил, вокруг Алексея¹² будет расти самодержавная легенда, он будет тем лицом, верой в которое будет жить честное, православное «черносотенство».

3¹/₂ часа.

<...> Утром же уже вышла декларация правительства, а на улицах, за подписью «члена правительства» Милюкова, «министра юстиции» Керенского и Караулова¹³ (члена Думского комитета), было развешено объявление, что «офицеры, солдаты и народ» признали Временное правительство впредь до Учредительного собрания. Таким образом, новый кабинет уже формально выступил с определенными уверениями, а теперь все меняется. <...>

С другой стороны, и военная, генеральская партия бессильна без рядовых. Если бы она точно знала размеры своих реальных сил, возвела бы Михаила, не спрашивая Керенского. Керенский не знает точно размера своих реальных сил, тогда он ввел бы республику немедленно. Но решит по интуиции. «Третейского суда» нет, решит тяжелая борьба. А заниматься ею некогда. <...>

У каждого болит свое. Французскому послу наплевать, какое у нас правительство, лишь бы оно хорошо работало на фронт. Соколову с Керенским все равно, что на фронте, лишь бы удалась революция. <...>

4 марта, 7 ч. веч.

<...> Был Антон¹⁴. Художественно рассказывал о «грандиозных перспективах», о «своем пафосе». Величие совершившегося чувствуешь в том, что каждый вкладывает весь свой пафос, и все эти разные, противоречивые пафосы сходятся в одной высшей единой точке.

Все больше выясняется роль А. Ф. Он оказался живым воплощением революционного и государственного пафоса. Обдумывать некогда. Надо действовать по интуиции. И каждый раз у него интуиция гениальная. Напротив, у Милюкова не было интуиции. Его речь — бестактна в той обстановке, в которой он говорил. <...>

5 марта.

Сегодня послал А. Ф. письмо: «Считаю своим святым долгом сказать Вам, что именно Вы в трудную ночь с 1-го на 2-е марта спасли Россию от великого бедствия. Только человек высочайшей моральной чистоты, только подлинный гражданин мог в эти трудные часы с таким святым и гениальным энтузиазмом овладеть положением. Тяжкая болезнь все еще держит меня в своих руках. Не знаю, долго ли проживу. Но если судьба не позволит мне увидеть плода революции, то все-таки я уйду из этого мира гордым и спокойным гражданином, с благоговением поминая Ваше имя.

Сердечно любящий Вас и беспредельно уважающий
Д. Философов».

6 марта. 1 ч. ночи.

<...> Сегодня был у нас Н. Д. Соколов.

Уверял, что его присутствие «смягчает» настроение масс.

«Вот в последнем заседании был такой случай. Встает какой-то солдат, с внеочередным заявлением. Они это любят делать. Говорит, что ему известно, что в Павловском училище склад пулеметов. Надо послать в училище отряд и перестрелять офицеров и юнкеров. Председательствовал я и предложил избрать комиссию. Начались протесты: “Знаем, мол, эти комиссии!” Предлагаю поэтому поводу высказаться, надеюсь, что “прения” постоянно смягчают остроту положения, но настроение остается прежним. Тогда, в час ночи, у меня является счастливая мысль сделать следующее предложение. Сейчас же послать в училище Керенского и трех депутатов от Совета рабочих депутатов произвести расследование. Собрание соглашается. Но Керенского найти не можем. К счастью, подвертывается Дзюбинский¹⁵. Посылаем его, вместе с адъютантом Гучкова. Оказалось, что это учебные пулеметы. Тем дело и кончилось. Не будь меня, могли действительно перестрелять!» <...>

Через час после его ухода (Соколова. — *Сост.*) позвонил ко мне Пав. Мих. Макаров. О его телефоне — ниже, а пока замечу: «Ник. Дм. все еще в красном колпаке? Или порозовел? В первые дни он весь был кровавый, нашей крови требовал!» Разговор о Н. Д. возник случайно, потому что я по ошибке назвал П. М. — Ник. Дм. и должен был объяснить почему. Отсюда — разговор. Далее выяснилось, что Керенский с Соколовым, по-видимому, поссорился. Во всяком случае, между ними «контакта» нет. Недаром Соколов уверял, что Керенский ни-

какого отношения к Совету р[абочих] д[епутатов] не имел, изредка появлялся «налетом» и таким же налетом произнес свою речь...

Звонил же ко мне Макаров по следующему поводу. У Горького знаменитое эстетское собрание, о котором я упоминал, выбрало комитет «эстетов» для украшения революции (НВ. Батюшков¹⁶ вчера телефонировал, что он был у Горького, до конца не досидел, противно было). В этот комитет в качестве правительственного комиссара входит Макаров. Но комитет — сплоченный кружок и не понимает широты задачи. Он просит меня помочь ему. Я ответил, что болен, только что вернулся от доктора, куда меня возили в карете «скорой помощи», и физически не могу. В конце концов сговорились, что он будет завтра у нас. Н. Н. Львов (комиссар по Министерству двора) поссорился с Керенским. Он смотрел на себя как на ктитора чужого имущества, тогда как Керенский хочет ликвидировать все это учреждение. У Макарова мысль: вместо Львова назначить кн. С. Д. Урусова¹⁷ или Головина. Я посоветовал Урусова. Дать ему самые широкие задачи. Подготовить конфискацию кабинета уделов, дворцов, etc., чтобы, даже если восторжествует Михаил, чтоб гнездо было разорено. <...>

7 марта. <...>

1 ч. ночи.

Был Макаров. <...> Керенский был на днях в Зимнем дворце. Вошел на ступеньки трона и объявил всей челяди, что Дворец отныне «национальная собственность», и благодарил челядь за хорошую его сохранность. Сделал все это с достоинством. Лакеи боялись издевок, угроз, но когда услышали благодарность, всей гурьбой бросились Керенского провожать. <...>

10 марта.

10 ч. веч[ера]

Был Шура Бенуа.

Рассказывал все подробности своих сношений с Горьким, Львовым¹⁸, Макаровым. Назначение Головина до сих пор не внесло никакой ясности, а Гржебин¹⁹ старательно выдвигает кандидатуру на пост министра. Шура спрашивает, как быть.

Мне сдается, что за кулисами революционного пафоса идет борьба с Керенским. Недаром Горький обижался на мою сегодняшнюю статью в «Речи», несмотря на то, что она написана по отношению к нему очень мягко. Он увидел тут поддержку Керенского против него.

Приходит в голову мысль, что макиавеллистически мысль включить Горького в правительство имеет большой смысл. Это скомпрометирует эсдеков и может разрядить остроту положения. <...>

12 марта. 11 утра.

Вчера днем заседание С[овета] р[елигиозно] ф-[илософского] общества по вопросу о церковной политике. В 6 ч. Зензинов. [...] Зензинов в «розовом» настроении. Уверяет, что влияние большевиков падает, что Горький и Соколов никакого значения среди рабочих не имеют (?) <...>

Я спрашивал, серьезно ли положение на фронте или правительство запугивает, чтобы отрезвить «правдистов». Зензинов говорит, что не запугивает. Опасность большая: Риге-Двинску и Одессе. Третьего дня Керенский был в самом мрачном настроении, но теперь он спокойнее. В общем, он фактический премьер.

Записку Р[елигиозно]-Ф[илософского] общества Зензинов просит прислать ему, он ее передаст Керенскому. <...>

6 ч. дня.

Был Сытин²⁰. Был Гессен²¹. Горьковскую газету²² редактирует Суханов. Сытин уверяет, что он за войну, но «я их боюсь». Уверяет также, что он скорее поддержит газету Керенского, у которого он должен быть сегодня вечером.

Гессен рассказывает, что вчера «печать» была у Керенского: Гессен (в визитке), Руманов (в визитке), Адрианов²³ в мягкой грязной рубашке и Кудрин²⁴, в визитке и больших сапогах. Керенский просил «поддержки печати». Набоков говорил, что в среду вечером, в Совете министров депутация от Алексеева делала доклад о фронте. Фактов особенных не было, но впечатление сложилось удручающее. Не только впечатлительный Керенский, но и Милюков впал в мрачное отчаяние. Теперь, по-видимому, стало полегче, хотя в Рогачеве настоящий аграрно-солдатский бунт. <...>

14 марта.

7 ч. веч. Сейчас был Керенский. В тужурке. Прежде вид у него был не такой демократичный. Скорее даже элегантный. Нежно с ним обнялся. Он благодарил несколько раз за письмо.

Приезжал просить Дмитрия²⁵ написать для солдат брошюру о декабристах, Сытин обещал ему напечатать ее в «миллионах» экземпляров и распространить в армии²⁶. Ругал «Правду» и Соколова.

Находит, что Сытину следует поддержать газету Горького, рассчитанную на рабочего читателя. Никого, кроме большевиков, читатели «Правды» слушать не будут. Нужна полемика между большевиками же. Таким образом, не понять, что путал Сытин.

Я его спросил, правда ли, что «приказ № 1» писал Соколов?

Он удивился: «Я бы на месте Соколова об этом молчал. Если об авторстве Соколова узнают, ему не поздоровится!»

Любопытно, что против смертной казни стоят большевики и реакционеры из армии.

Относительно дозорщиков²⁷ резко сказал: «Им предлагали войти в кабинет, они отказались. А теперь не терпится. Постепенно они перейдут к работе и просто станут правительственными комиссарами».

Вид у Керенского бодрый, как прежде.

Да, еще говорили о Львове-Синодальном. Уверяет, что у него есть «хаос» шугания. В общем же, по словам Керенского, наиболее трусливы Милюков и Шингарев. Они боятся трогать «синодалов».

Было бы важно установить самым точным образом, когда именно, в какой день и час был издан приказ № 1 и когда он попал в армию. Соколов что-то сплетничал, будто бы они послали приказ потому, что «правительство» послало в армию известие о вступлении на престол Михаила и даже часть войск уже ему присягнула²⁸.

Керенский говорит, что это все вранье. <...>

22 марта. 1 ч. ночи.

<...>

Макаров рассказывал о поездке в Царское <...>. Керенский считает, что царя надо отделить от царицы. <...>

Благовещение. 1 ч. ночи.

Сегодня утром Керенский вызвал Дмитрия. По спешному делу. Оказалось, он волнуется из-за «позиции» Сов[ета] р[абочих] деп[утатов] по отношению к миру. Уверяют, что они делают серьезный нажим в смысле мира сепаратного. Из Дмитриева рассказа толком ничего не понять. По-видимому, у Керенского очень обострились отношения с «дозорщиками». Милюков своим интервью подлил масла в огонь. В вечерних газетах появилось официальное заявление Керенского, что интервью Милюкова есть выражение его личного мнения, а не правительства. Эту мысль утром проводил в «Дело народа» и Зензинов, очевидно, с ведома Керенского.

Тем не менее Керенский не согласен и с манифестом 14 марта²⁹. Говорит, что Россия не может продавать западные демократии, а потому декларация правительства, которая по этому поводу выработывается, — «дозорщикам» не понравится и, может быть, всему правительству придется уйти (?!). Керенский утверждает, что Совет рабочих депутатов есть кучка «фанатиков», отнюдь не вся Россия, что правительство только одно. Словом, против статьи Дмитрия. <...>

11 сент. вечер.

Старое Дружноселье.

Красная Дача.

8 августа мы приехали из Кисловодска и опять вверглись в «Петроградскую» пучину.

Хочется записать итоги этого месяца. Кроме итогов — бытовые мелочи. Дневник вести не под силу, но, попав на дачу, в тишину, могу хоть вкратце изложить общие впечатления.

Приехали мы перед самым Московским совещанием. Следовательно, за этот месяц пережили из виднейших событий: 1) Московское совещание; 2) Корниловскую историю. Теперь готовимся к 3-му — совещанию демократическому.

Это — внешняя канва. Узорами на ней были Илюша³⁰ и Борис³¹.

Борис приехал к нам 8-го вечером. В последний раз мы его видели в Ментоне, в апреле — мае 1914 г., т. е. за несколько месяцев до войны. Он жил тогда в Ницце.

Встретились радостно, дружественно. Он прильнул к нам. Одиноким по натуре, властный, самолюбивый, он чувствовал себя у нас хорошо. Более бескорыстно. Хотя видит и различает нас плохо. Весь этот месяц он бывал у нас почти каждый вечер, исключая периода корниловщины, когда мы были здесь, на даче.

Следовательно, перед нами прошла вся его первая отставка и первое восстановление «в правах», а затем и «падение» после Корнилова.

Первый период — время борьбы с Керенским, за программу твердой власти. Борьба «внутри» правительства. Второй период, который только что начался, — борьба с Керенским извне, борьба с правительством. У Бориса сильное озлобление. Теперь он борется не только за программу, но и за себя лично, так как его отношения к Корнилову многим непонятны. Умеренные его побаиваются, а левые «друзья» ненавидят. Много тут и старых, эмигрантских счетов. <...>

Он хотел «использовать» Керенского для возглавления диктатуры трех — Корнилова, Савинкова и Керенского. Он отлично понимал, что такое Корнилов и что такое Керенский. Он видел, что Корнилов без Керенского может попасть и руки контрреволюции, Керенский без Корнилова — окажется рабом либерданов и большевиков. Он хотел быть звеном между революцией (Керенский) и армией (Корнилов). Пробыв несколько месяцев на фронте, и притом во времена трагические (наступление 18 июня), он, как человек личного мужества и как старый боевик, умеющий владеть браунингом, понял дух настоящей армии, понял, что идеи Керенского — благородная меледа, разлагающая армию. Не смущаясь, он приложил свой штемпель к введению смертной казни. Своей «воинственной» стороной он искренне полюбил честного, прямого вояку Корнилова. Его увлечение войной доходило до того, что он жаловался нам на Керенского, как это тот не дал ему Георгия. А потом (через несколько дней) с радостью заявил, что ему удалось подложить свинью Скобелеву. Керенский хотел дать Скобелеву Георгия, но Савинков убедил этого не делать. Мелочь — очень характерная для Савинкова и его честолюбия.

12 сентября, вторник.

Теперь Савинков называет себя *socialiste independent*³² или даже *radical-socialiste*³³. Хочет силой уничтожить либерданов, разогнать собачьих депутатов³⁴ и установить «порядок». Кадеты (по его мнению) на это не способны и, кроме того, не республиканцы. Он же — республиканец. Сознывая, что он «полетел кубарем», как он выразился, от недостатка опоры, он хочет создать себе опору в новой партии «центра». Т. е. среди истых республиканцев, левее кадетов. «Когда я был в правительстве, — говорил он, — я действовал при помощи Корнилова и армии. Теперь, если бы у меня были в руках казаки, я действовал бы с ними. Но у меня этого нет. Могу действовать только словом. Хочу основать большую внепартийную газету. При ней клуб, как эмбрион партии».

О газете — потом, а пока вернусь к «истокам», к его новой отставке. Это был (может быть, чрезмерный) нажим на Керенского. Средством нажима служила пресловутая «записка» Корнилова, подписанная Савинковым и Филоненкой. Он нам ее тогда читал. Конечно, не важно, одобрил бы ее Керенский целиком или нет. Многое в ней было недостаточно обдуманно и слишком остро поставлено. Например, милитаризация железных дорог. Но важен в ней принцип: соединение с Корниловым, поднятие боеспособности армии без помощи Советов,

оборона как центр правительственной деятельности, беспощадная борьба с большевиками.

Керенский на это не мог решиться. Сознательно, из принципа. Его вынесла волна революции, он «клялся» в чем-то Советам, ему казалось, что, не опираясь на партию и Совет, он станет предателем.

Бессознательно он не доверял Савинкову, боялся Корнилова. Значит, Керенский не доверял обоим, Корнилов не доверял Керенскому. Савинков не доверял Керенскому. Такая «директории» не могла осуществиться. Когда Керенский, в истерике, объявил Корнилова «мятежником», Савинкову ничего не оставалось, как к нему присоединиться. Может быть, это была политическая ошибка. Он помог не силе (Корнилов), а бессилию (Керенский). Будь он на стороне Корнилова, может быть, «история» повернулась бы иначе.

Около Керенского Савинков продержался недолго. Керенский им пожертвовал, грубо отставив его по телефону. И теперь Савинков открыто объявил себя врагом Керенского. Крайне самонадеянный, он, конечно, не сдастся. Газету он проектирует как «трамплин», чтобы снова подняться. Мечтает о кабинете Плеханова, где он будет военным министром или м[инистром] и[ностранных] д[ел].

<...> Видимых перемен в нем мало. Полысел только. Ходит в костюме шофера защитного цвета, больших сапогах. Вид довольно процелыжный. Керенский — тоже шофер, но из «богатого» дома. Гетры — желтой кожи. У Савинкова — черные сапоги. <...>

16 сентября. «Красная дача».

В последние дни Савинков поместил в разных газетах свои «интервью», писал в «Волю народа»³⁵ многочисленные «письма в редакцию». Цель всего этого — доказать, что он не участвовал в заговоре Корнилова.

<...> Он думает, что если его имя склоняется во всех падежах и газеты полны им, это значит, что он популярен. Это неверно. Он все-таки прекрасный незнакомец. Он может иметь «друзей-заговорщиков» и может властвовать над толпой. Но быть «любимцем толпы», как, например, Керенский, он не может. Вполне представима «партия Керенского», но трудно себе представить партию Савинкова. <...>

Интересны отношения Керенского к Савинкову. Мы приехали в тот момент, когда эти отношения были хороши. Но вскоре Савинков сделал первый нажим (перед Московским совещанием). Конечно, Керенскому, как человеку слабовольному, это не понравилось, и он, наверное, открыл свои уши для выслушивания всех партийных сплетен. Если «Воля народа» ничего дурного о Савинкове не говорила, то вряд ли

Бабушка³⁶ его особенно защищала. Со стороны же Зензинова, Гоца и даже Илюши Керенский ничего хорошего слышать не мог. Тем не менее он держался за Савинкова, потому что в М[инистерст]ве сидел ненавистный Керенскому Чернов. Савинков был для Керенского хорошим противовесом. В среду, 23 августа, Керенский был на Сергиевской, и стенографически записал нашу беседу. Она вошла в Зинин дневник. Тогда еще он «благодарил» за наше письмо, в котором мы «рекомендовали» ему Савинкова, хотя с ним не согласился. Но вот почему я об этой беседе вспомнил. Когда я его спросил, почему он держит Чернова, он мне ответил: «Да ваши же друзья “Илюши” мне его навязали. Его вместе с этой жалкой фигурой Авксентьева!»

Следовательно, за три дня до корниловщины он был очень озлоблен против Илюши и компании. Но вот на днях, точнее, 14 сентября вечером, я обедал у Амалии³⁷. В тот же вечер она ехала в Севастополь, где Илюша комиссаром при флоте. Она мне рассказала, что накануне, т. е. 13-го, был у нее вечером Александр Федорович.

— Я ездила в Зимний дворец к Муравьеву (флаг-капитану)³⁸ за пропуском в Севастополь. Не зашла к Александру Федоровичу, но, очевидно, Муравьев ему сказал, что я уезжаю, и он приехал ко мне один, совершенно запросто. Было очень хорошо, точно два года тому назад, в Москве.

У Амалии же были Зензинов и Авксентьев. «Ликвидировав» Савинкова, освободившись от Чернова, Керенский снова потянулся к «Илюшам». В среду 23 августа он говорил об «Илюшах» со злобой, а в среду 13 сентября, ровно через три недели, он опять в дружбе настоящей.

Можно было бы подумать, что Керенский вышел из колебаний. Решил вопрос по существу.

Дело ведь обстояло так. Всяческая разруха выяснила, что мы вошли в тупик. Многие трезвые люди говорили, что «демократия» сама по себе, внутри себя, не имеет рычага, чтобы сдвинуть нас с мели. Следовательно, рычаг надо искать извне, т. е. вне «демократии». На этот путь встал Савинков. На нем стоят кадеты. Корнилов, «смертная казнь» в тылу и т. д. есть средство обуздать зарвавшуюся и бессильную демократию при помощи старых «испытанных» средств, лежащих вне «специфической» демократии. Керенский долго колебался и, по видимому, выбрал. Он отныне хочет найти рычаг в самой демократии. Предаст Савинкова с его «солдатчиной» и «диктатурой», выпихивает Чернова и таким образом создает «демократический центр», на который хочет опираться. Признает его «потенциальным» рычагом для сдвига. Отсюда его примирение с «Илюшами», его брудершафт с Зензиновым, который за это время выступил с открытым протестом против Чернова.

Я говорю *по-видимому*, потому что ручаться за Керенского нельзя. У него действительно политика «зигзагов». Предаёт Савинкова, расправляется с Корниловым, не составляет кабинета до созыва Демократического совещания, идет туда с объяснениями. Все это как будто доказательство, что он ищет «рычаги» именно там.

С другой же стороны, как раз в те дни, когда общий тон совещания еще не найден, когда оно еще не высказалось, он ведет переговоры с Кишкиным и компанией. Переговоры заведомо гиблые, потому что москвичи не пойдут в правительство без ультиматума, никогда не согласятся на роль «принудительных» рабочих.

А вместе с тем эти гиблые «переговоры» не могут не озлобить членов Демократического совещания. В тот же четверг, 14-го, Зензинов приехал к Амалии в 7 ч., тотчас после речи Керенского. И сказал между прочим: «Какое вредное дело делает буржуазная пресса! Сегодня в вечерних газетах сообщают о переговорах Керенского с «Кишкиным и Ко». Как будто это правда. А ведь они отлично знают, что до постановления Демократического совещания сформировать правительство невозможно».

Наивный Зензинов думает, что «буржуазные» газеты соврали, и был убежден, что Керенский окончательно «выбрал» лагерь, что его «зигзаги» кончились! <...>

30-е [октября] 6 ч. вечера.

То же томление. По-видимому, идет социалистическая стряпня о соглашательстве.

11 ч. веч.

Почти ничего неизвестно. Известно только, что пошли за Московскую заставу: Московский полк (видел унтер-офицер Марков), Преображенский, Семеновский (секретарь Бердухов), Красная гвардия, Красногвардейки (много свидетелей), матросы (Яков, человек Коновалова). Две возможности: 1) У Керенского нелады. Чернов идет на Петербург с большевистскими лозунгами. 2) Казаки. Савинков (?) с казаками. Керенский, как и в корниловские времена, посередине. Или у Керенского желание разбить петроградский гарнизон за городом, чтобы не было сражения на улицах. Может быть, впрочем, у него войск мало. <...>

